

Нет автора

**Отчет о 9-м присуждении наград графа
Уварова**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о 9-м присуждении наград графа Уварова / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 169 с.

ISBN 978-5-4241-8478-9

ISBN 978-5-4241-8478-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

О ДЕВЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ, 25 сентября 1866 года,

Непремѣннымъ Секретаремъ Акад. К. С. Весселовскимъ.

Сочиненій по русской и славянской исторіи, представленныхъ въ нынѣшнемъ году на соисканіе наградъ графа Уварова, было 6, а именно: четыре печатныхъ и два рукописныхъ. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій и для постановленія о нихъ приговора, конференція Академіи, въ засѣданіи 14-го января, согласно правиламъ объ уваровскихъ наградахъ, назначила особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ академиковъ: Н. Г. Устрялова, И. И. Срезневскаго, А. В. Никитенко, Я. К. Грота, А. А. Куника, В. В. Вельяминова-Зернова и П. П. Пекарскаго. Впослѣдствіи, по случаю отсутствія г. Вельяминова-Зернова изъ Петербурга, мѣсто его въ составѣ комиссіи занималъ академикъ М. И. Броссе.

Ознакомившись съ переданными ей на разсмотрѣніе сочиненіями, комиссія, на основаніи § 11 Положенія о сихъ наградахъ, назначила рецензентовъ для каждаго изъ конкурсныхъ сочиненій, и пригласила ихъ доставить подробные разборы къ назначенному для того сроку.

По полученіи этихъ рецензій, комиссія признала необходимымъ одно изъ рукописныхъ сочиненій, по обстоятельствамъ, отложить до конкурса будущаго года. Затѣмъ, по прочтеніи доставленныхъ рецензій и по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ пяти сочиненій, комиссія, въ засѣданіи своемъ 9-го сентября, единогласнымъ постановленіемъ положила: *три изъ нихъ удостоить меньшихъ уваровскихъ наградъ* (въ 500 рублей каждая).

Эти сочиненія суть слѣдующія:

Увар. отч.

Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія, Д. И. Прозоровскаго. Спб. 1865 г.

Рецензія этого сочиненія, по порученію комиссіи, была составлена академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ, который призналъ, что трудъ г. Прозоровскаго замѣчательнъ какъ по результатамъ, внесеннымъ имъ въ науку, такъ и по методу, употребленному авторомъ для объясненія древнихъ русскихъ монетныхъ системъ. До сихъ поръ исторію вѣса и монеты всѣ изслѣдователи обыкновенно начинали съ отдаленныхъ временъ, съ договоровъ Олега и Игоря и съ «Русской Правды», и по необходимости вращались въ области догадокъ и предположеній, вслѣдствіе чего многое въ этой исторіи оставалось неяснымъ. Г. Прозоровскій, напротивъ, началъ съ монетной системы 1801 года, въ основаніе которой положены точныя, математическія данныя, и отъ нея перешелъ чрезъ рядъ другихъ монетныхъ системъ, къ такимъ, которыя менѣе извѣстны, употребляя при изслѣдованіи ихъ чисто-метрологическіе приемы, т. е. опредѣляя пробу и вѣсъ монеты, приводя въ ясность отношеніе въ извѣстное время цѣны золота къ цѣнѣ серебра и отыскивая въ письменныхъ памятникахъ данныя, посредствомъ которыхъ послѣдующая монетная система могла быть связана съ предшествующею.

Представивъ сжатое исчисленіе матеріаловъ, относящихся къ его труду, и опредѣливъ достоинства и недостатки главнѣйшихъ существующихъ у насъ изслѣдованій о древней русской монетѣ, г. Прозоровскій излагаетъ причины, почему эти изслѣдованія привели только къ частнымъ результатамъ и отчего наука до сихъ поръ не успѣла выработать окончательныхъ выводовъ. Послѣ этого, такъ сказать, введенія, авторъ приступаетъ къ изложенію монетной системы 1801 года, по которой онъ повѣрилъ систему 1764 г., и отъ этихъ двухъ системъ переходитъ къ системѣ 1731 г., а отъ нея къ системамъ 1700—1718 годовъ. Эту часть труда, по отзыву рецензента, можно назвать почти безупречною, и она, не смотря на сухость изложенія, свойственную метрологическимъ изслѣдованіямъ, и на множество цифръ, испещряющихъ страницы, представляетъ нѣсколько новыхъ любопытныхъ свѣдѣній и фактовъ, какъ напримѣръ, объясненіе чрезвычайнаго разнообразія въ вѣсѣ монетъ, выбитыхъ при Петрѣ Великомъ, и неровности въ вѣсѣ денегъ при Екатеринѣ II; указаніе, на сколько возвышеніе цѣны золота имѣло

вліяніе на серебряную монету; вліяніе на монетный вѣсъ, въ системѣ 1731 года, расходовъ по выдѣлкѣ монеты, цѣны металла и изчисленія прибыли, которую казна должна была получать отъ операціи; причины тяжеловѣсности монеты, чеканенной въ Москвѣ, сравнительно съ битю въ Петербургѣ и проч. Хотя съ нѣкоторыми положеніями автора въ этой части его изслѣдованія и нельзя вполне согласиться, однако въ ней видѣнъ добросовѣстный ученый трудъ, обогащающій науку многими новыми данными и взглядами.

Отъ системъ 1700—1718 годовъ авторъ переходитъ къ системамъ XVII вѣка, а отъ нихъ къ системамъ XVI, XV и XIV вѣковъ. Не смотря на все разнообразіе и запутанность монетныхъ системъ этого времени, авторъ, основываясь на письменныхъ матеріалахъ, на вывѣскѣ монетъ и на остроумныхъ метрологическихъ соображеніяхъ, успѣлъ указать на взаимную связь между различными системами XVII и XVIII столѣтій, а равно и опредѣлить стоимость монеты и причины, на нее вліявшія. Отдавая справедливость точности и многочисленности метрологическихъ доказательствъ въ этой части изслѣдованія, стоившей автору большихъ усилій, рецензентъ тѣмъ же не менѣе находитъ и здѣсь нѣкоторые выводы и мысли, съ которыми трудно согласиться, а именно: что наши предки встарину знали искусство точно опредѣлять пробу металловъ, что они съ древнихъ временъ въ точности приваравливали свои деньги къ иностранной монетѣ, зорко слѣдя за всѣми перемѣнами въ ней, и что они устроили и раздѣлили свой вѣсъ по одному и тому же образцу, который былъ принятъ и прочими славянскими племенами.

Послѣ московской монетной системы, г. Прозоровскій обращается къ изслѣдованію монеты и вѣса въ удѣльныхъ княжествахъ, насколько оно возможно на основаніи сохранившихся данныхъ. Въ постепенномъ порядкѣ онъ изслѣдуетъ системы: новгородскую, тверскую, полоцкую, смоленскую и псковскую, и въ заключеніе сообщаетъ свѣдѣнія объ особой вѣсовой единицѣ, рублевой гривенкѣ, подъ которою разумѣлось условное количество монетнаго чистаго серебра, именно 84 нынѣшнихъ золотниковъ. Наконецъ разсмотрѣна древняя монетная система «Русской Правды», стоящая особнякомъ и потому потребованная тщательныхъ изысканій. Последняя часть сочиненія г. Прозоровскаго посвящена происхожденію вѣса вообще и русскаго въ особенности, причѣмъ разсмотрѣны древнія вѣсовые единицы и обращено вниманіе на куски серебра, извѣстные у нумизматовъ подъ названіемъ гривенокъ,

рублей и полтинъ. Въ этой части труда, точно также какъ и въ предъидущихъ, читатель найдетъ много новыхъ соображеній и выводовъ.

Къ сочиненію приложены: описаніе 349 русскихъ и 166 иностранныхъ монетъ, собранныхъ авторомъ въ пособіе для его изслѣдованій, и нѣсколько таблицъ и подробныхъ указателей. Всѣ эти приложения значительно облегчаютъ пользованіе сочиненіемъ и представляютъ удобства для наведенія справокъ; безъ нихъ, книга г. Прозоровскаго оказалась бы, во многихъ случаяхъ, совершенно бесполезною для ученыхъ изыскателей старины, тѣмъ болѣе, что, по свойству самаго предмета изысканія, въ ней часто однородныя вещи не сгруппированы вмѣстѣ, а разбросаны по разнымъ мѣстамъ.

Изложивъ содержаніе книги г. Прозоровскаго и указавъ на значительныя ея достоинства и немногіе недостатки, рецензентъ отзывается о ней, какъ о явленіи весьма отрадномъ въ нашей неслишкомъ богатой нумизматической литературѣ, представляющемъ однако матеріалъ для дальнѣйшаго разработыванія предмета, могущаго быть значительно дополненнымъ и очищеннымъ при помощи иностранной литературы. Вслѣдствіе сего рецензентъ считаетъ эту книгу достойною малой уваровской преміи.

II.

Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одежды, оружія, ратныхъ достижковъ и конскаго прибора, извлеченное изъ рукописей архива Московской Оружейной Палаты, съ объяснительнымъ указаніемъ, Павла Савvaitова. Спб. 1865 года.

Избранный комиссіею рецензентъ этого сочиненія, академикъ И. И. Срезневскій, въ составленномъ имъ разборѣ, прежде всего исчисляетъ обильный матеріалъ, подлежащій изслѣдованію автора и состоящій изъ дошедшихъ до насъ отъ XVI и XVII вѣка различныхъ книгъ и записей, содержащихъ въ себѣ перечни разныхъ царскихъ одеждъ и драгоценностей, которыя отчасти хранятся, какъ и означенныя книги и записи, въ Московской Оружейной Палатѣ, отчасти изданы въ «Древностяхъ Россійскаго Государства» и другихъ сборникахъ. Затѣмъ, указавъ на труды предшественниковъ г. Савvaitова на поприщѣ изслѣдованія этихъ памятниковъ русской старины, г. Срезневскій находитъ, что авторъ трудомъ своимъ значительно пополнилъ пробѣлъ въ нашей археологической литературѣ.

Книга г. Савваитова раздѣляется на два отдѣла. Первый заключаетъ въ себѣ выписки изъ рукописныхъ книгъ, именно изъ семи рукописей архива Оружейной Палаты, сдѣланныя съ надлежащимъ выборомъ. Собственно второй отдѣлъ, объяснительный указатель къ описанію, составляетъ изслѣдовательный трудъ автора; онъ содержитъ въ себѣ, въ азбучномъ порядкѣ, названіе предметовъ, о которыхъ упоминается въ выпискахъ, съ объясненіями и описаніями самыхъ предметовъ. Какъ дополненіе къ указателю, помѣщена статья о русскомъ денежномъ счетѣ въ XVI и XVII вѣкахъ.

Обѣ части изданной г. Савваитовымъ книги одинаково важны для изслѣдователей нашей древности; первая часть важна какъ дополненіе къ тѣмъ изданнымъ стариннымъ статьямъ и книгамъ, которыя заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія объ утвари, одеждѣ, уборахъ и доспѣхахъ XVI и XVII вѣковъ — дополненіе тѣмъ болѣе значительное, что оно представляетъ данныя всякаго рода, между прочимъ свѣдѣнія и объ одеждахъ царицъ, и что книги, изъ которыхъ авторъ почерпнулъ свои выписки, до сихъ поръ были извѣстны только по небольшимъ и отрывочнымъ извлеченіямъ А. Ѳ. Вельтмана. Вторая часть труда г. Савваитова особенно любопытна для тѣхъ, которые нуждаются въ объясненіи подробностей и въ сводѣ данныхъ. «Это опытъ археологическаго словаря, ограниченный въ своемъ объемѣ и содержаніи только тѣмъ, что вызвано было описаніемъ», — говоритъ о немъ самъ авторъ. Это опытъ въ томъ же родѣ, какъ уже имѣющіеся въ нашей литературѣ словари Строева, Вельтмана и преосвященнаго Саввы, отличающіеся отъ нихъ болѣею опредѣлительностію содержанія и, во многихъ случаяхъ, болѣе удовлетворительными объясненіями. Впрочемъ, онъ заключаетъ въ себѣ не все то, что должно бы было быть внесено въ него, и вмѣстѣ съ тѣмъ кое-что что, могло бы быть оставлено въ сторонѣ. Такъ въ указателѣ, между прочимъ опущены нѣкоторыя названія, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ описанія, и помѣщены слова, которыхъ въ немъ не встрѣчается. Эта несовершенная полнота указателя, конечно, до нѣкоторой степени уменьшаетъ цѣну его для тѣхъ, которымъ придется имъ пользоваться; но этотъ недостатокъ не можетъ уменьшить научное значеніе указателя, какъ собранія драгоценныхъ данныхъ для объяснительнаго археологическаго словаря. Разсматривая указатель г. Савваитова съ этой точки зрѣнія, и обращая вниманіе отдѣльно на каждую изъ вошедшихъ въ него статей, нельзя не быть при-

знательнымъ за тщательность, съ которою авторъ исполнилъ свой трудъ, и за обиліе и разнообразіе объясненій и указаній, за свѣдѣнія, сообщенныя имъ между прочимъ изъ рукописей, доселѣ еще неизданныхъ, или изданныхъ не вполне удовлетворительно, и изъ такихъ памятниковъ, которые относятся къ предмету непрямо, и потому легко могутъ быть упускаемы изъ виду. По всѣмъ сими соображеніямъ рецензентъ полагаетъ, что Академія, удостоивъ г. Савваитова Уваровской награды, достойно поощрить этого трудолюбиваго изслѣдователя.

III.

Третьей изъ присужденныхъ въ настоящемъ году премій удостоенъ А. Пыпинъ за принадлежащую его перу часть изданнаго имъ, вмѣстѣ съ г. Спасовичемъ, сочиненія: *Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ*. Спб., 1865.

Профессоръ харьковскаго университета П. А. Лавровскій составилъ, по приглашенію Академіи, подробный разборъ этого сочиненія, послужившій комиссіи основаніемъ для ея приговора. Сущность заключеній рецензента состоитъ въ слѣдующемъ:

Изданное гг. Пыпинымъ и Спасовичемъ сочиненіе имѣетъ неоспоримое право на самое сочувственное вниманіе русскаго общества, какъ явленіе весьма отрадное въ нашей литературѣ.

Излишне было бы распространяться о значеніи славянъ въ исторіи народовъ, а между тѣмъ, не смотря на всю важность славянскаго міра вообще и для насъ въ особенности, мы еще не можемъ похвалиться удовлетворительнымъ знаніемъ его. Знакомство наше со этимъ міромъ почти только что началось, и до сихъ поръ оно нерѣдко страдаетъ поразительною бѣдностію, шаткостію и странностію понятій. Эта бѣдность и несостоятельность особенно замѣтны относительно литературной дѣятельности. Не только мы, но и ни одно племя славянское не можетъ указать у себя ни на одно сочиненіе, которое было бы посвящено разсмотрѣнію всѣхъ родственныхъ литературъ; какъ исключеніе, то или другое племя можетъ представить сжатый и не всегда вѣрный обзоръ литературы какіо-либо одного изъ остальныхъ славянскихъ племенъ. Въ одной только русской литературѣ есть трудъ, обнимающій всѣхъ славянъ: имъ мы обязаны г. Григоровичу. Но и цѣль этого сочиненія, и время появленія его въ свѣтъ, и другія обстоятельства

при всемъ добросовѣстномъ трудолюбіи автора, были причиною краткости, отрывочности и неполноты этого сочиненія. Тѣмъ поразительнѣе равнодушіе славянъ къ ихъ словесности, что у нихъ не имѣется даже въ переводѣ изданнаго въ 1826 году, на нѣмецкомъ языкѣ, замѣчательнаго сочиненія Шафарика, послужившаго основаніемъ для трудовъ Ольбрехта и Тальви, Мицкевича и самаго Григоровича.

При такомъ положеніи дѣла, трудъ г. Пыпина пріобрѣтаетъ широкое и важное значеніе, и въ настоящее время является единственнымъ въ славянскомъ мірѣ пособіемъ для знакомства съ литературою принадлежащихъ къ нему племенъ. Независимо отъ того, внутреннія достоинства труда г. Пыпина столь несомнѣнны и такъ велики, что должны сами по себѣ возбудить вниманіе, сочувствіе и благодарность. Они состоятъ въ полнотѣ, съ какою разсматривается предметъ, и въ прекрасномъ способѣ изложенія. Всѣ предварительныя свѣдѣнія, необходимыя для разумнаго и разносторонняго ознакомленія съ литературною дѣятельностію народа, представлены авторомъ съ должною подробностію и точностію; тѣ же качества внимательный читатель замѣтитъ и въ подборѣ литературнаго матеріала, которымъ пользовался авторъ.

Въ введеніи къ обзору помѣщены: этнографическое обзорѣніе современнаго положенія славянъ, съ указаніемъ пространства и границъ ихъ поселеній, а также статистическія данныя какъ о государствахъ и даже отдѣльныхъ областяхъ, населенныхъ славянами, такъ и о вѣроисповѣданіи; здѣсь же находятся и общія мысли о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ племенъ другъ къ другу въ первую пору ихъ исторической жизни, и взключеніе брошенъ взглядъ на ихъ народную поэзію. За введеніемъ, г. Пыпинъ, въ послѣдовательномъ изложеніи, представляетъ обзоръ литературъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, начиная болгарскою и кончая лужицскою. Въ каждомъ отдѣлѣ, обзору литературы предшествуетъ очеркъ политической исторіи и общественнаго быта племени въ моменты, которые болѣе или менѣе опредѣляютъ характеръ духовнаго развитія эпохи и характеризуютъ то или другое направленіе въ литературѣ. На этой прочной основѣ г. Пыпинъ строитъ періоды исторіи литературы, мѣтко и ясно обозначая существенное значеніе cadaго. Объему литературнаго матеріала приданы самыя широкія рамки, и въ этомъ отношеніи трудъ г. Пыпина оставляетъ далеко позади себя всѣ изданныя до сихъ поръ сочиненія по этой части на иностранныхъ языкахъ. Онъ не пропустилъ ни одно-

го мало-мальски замѣчательнаго, хотя бы еще и неизслѣдованнаго до него, произведенія письменности, принадлежитъ ли оно къ позднѣйшей эпохѣ или же къ древнѣйшему времени. Далѣе, въ тѣхъ случаяхъ, когда частныя пособія по отдѣльнымъ литературамъ представляли крайне скудный матеріалъ, какъ, напримѣръ, для древней поры болгарской и сербской письменности, г. Пыпинъ съумѣлъ ловко и кстати восполнить такіе пробѣлы при помощи собственныхъ соображеній и отчасти имъ самимъ добытыхъ данныхъ, черезъ что пролилъ новый свѣтъ на многія неясныя стороны народной образованности.

Не меньшая заслуга принадлежитъ г. Пыпину и въ надлежащей сортировкѣ матеріала, и еще болѣе въ осмысленія главнѣйшей его части. Авторъ вполне отстранилъ отъ себя господствующую въ бѣльшей части пособій по отдѣльнымъ славянскимъ литературамъ задачу сгруппировать какъ можно больше данныхъ, безъ заботы объ иной связи между ними, кромѣ связи хронологической, и безъ уясненія значенія фактовъ въ жизни и умственномъ развитіи народа. Последняя сторона, у г. Пыпина, напротивъ, стоитъ на первомъ планѣ, и нельзя не признаться, что, держась этого направленія, онъ долженъ былъ побѣждать немало препятствій, выбирая изъ большой массы матеріала лишь немного, удовлетворявшее требованію условію. Точность и опредѣлительность фактовъ у г. Пыпина не нарушаются нигдѣ; самое сужденіе его о нихъ почти всюду заимствовано изъ основательнѣйшихъ изслѣдованій; онъ постоянно выказываетъ свое знакомство съ послѣднимъ, по времени, словомъ науки. О всей серьезности его взгляда и о всемъ трудѣ, который онъ взялъ на себя для удовлетворительнаго выполненія дѣла, наглядно можно судить по объему литературы предмета, бѣльшую часть котораго онъ прочелъ и усвоилъ себѣ.

Эта часть, часть литературныхъ пособій, какъ ни мало занимаетъ она мѣста въ цѣломъ сочиненіи, однако заслуживаетъ благодарнаго вниманія. Съ одной стороны она знакомитъ любознательнаго читателя съ спеціальными сочиненіями о славянахъ, а съ другой—представляетъ убѣдительно доказательство того, какъ изученіе славянскаго міра, при всей своей новосте, быстро и успѣшно идетъ впередъ и ежегодно обогащается изслѣдованіями, глубже и глубже проникающими во всѣ условія жизни славянъ, какъ древней, такъ и позднѣйшей. Но авторъ не остановился на указаніи общихъ пособій: въ самомъ текстѣ своего сочиненія при частныхъ вопросахъ, по поводу того или другаго литературнаго произведенія,

той или другой личности писателя, онъ сдѣлалъ ссылки на частныя, иногда весьма легкія, но тѣмъ не менѣе важныя статьи и сочиненія. Въ этомъ отношеніи сочиненіе г. Пыпина, хотя и писано, по его словамъ, не для специалистовъ, будетъ до нѣкотораго времени служить руководствомъ и для тѣхъ, кто избралъ славянство предметомъ своихъ специальныхъ занятій.

Историческій обзоръ отдѣльныхъ славянскихъ литературъ оканчивается главою о польской литературѣ, принадлежащею, по заявленію г. Пыпина, его сотруднику, г. Спасови чу. Эта глава, по отзыву рецензента, имѣя за собою нѣкоторыя неоспоримыя достоинства, значительно слабѣе прочихъ главъ; общій ея характеръ состоитъ въ легкости, часто даже въ поверхностности взгляда и въ одностороннемъ подборѣ матеріала; черезъ это она представляется чѣмъ-то чуждымъ цѣлому сочиненію, которое завершаетъ снова г. Пыпинъ своею статьею подъ заглавіемъ: «Возрожденіе и панславизмъ», гдѣ бѣгло разбираются причины и условія новѣйшаго движенія славянъ въ связи съ политическимъ и общественнымъ положеніемъ ихъ относительно другихъ народовъ.

Изчисленнымъ внутреннимъ качествамъ труда г. Пыпина соответствуетъ и внѣшняя сторона этого труда, способъ изложенія: языкъ чистъ, правиленъ; рѣчь течетъ плавно, сужденія ясны и опредѣлительны; во многихъ мѣстахъ, особенно тамъ, гдѣ сильнѣе пробивается наружу сочувствіе автора къ предмету, или въ тѣхъ случаяхъ, когда близкое знакомство съ дѣломъ давало ему возможность высказать самостоятельныя мнѣнія, изложеніе его становится даже увлекательнымъ.

Ставя столь высоко трудъ г. Пыпина, рецензентъ, тѣмъ не менѣе, находитъ въ немъ нѣкоторыя стороны, которыя не могутъ выдержать строгой критики, и подробно указываетъ на другіе, частныя, недостатки, состоящіе въ неполнотѣ, неточности и даже кое-гдѣ въ положительной невѣрности. Впрочемъ, эти недостатки, по мнѣнію рецензента, не могутъ уменьшить значенія этого труда, представляющаго собою важное пріобрѣтеніе въ русской литературѣ,—пріобрѣтеніе, которое было бы еще драгоцѣннѣе, если-бы г. Пыпинъ не былъ иногда слишкомъ поспѣшенъ въ своихъ заключеніяхъ объ общихъ вопросахъ и менѣе поддавался односторонности въ сужденіяхъ, особенно рѣзкой въ введеніи къ обзору.

Награды графа Уварова учреждены съ двойною цѣлью; кромѣ сочиненій по русской и славянской исторіи, ими награждаются драматическія произведенія.

Такихъ произведеній на настоящей конкурсъ было представлено *восемь*: три печатныхъ и пять рукописныхъ.

Коммиссія, на которую общимъ собраніемъ Академіи было возложено разсмотрѣть доставленныя на конкурсъ драматическія пьесы и произнести о нихъ приговоръ, состояла, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ академиковъ: Н. Г. Устрялова, И. И. Срезневскаго, А. В. Никитенко, Я. К. Грота, В. В. Вельяминова-Зернова, П. П. Пекарскаго и В. П. Безобразова. Впослѣдствіи, по случаю отсутствія гг. Вельяминова-Зернова и Безобразова, вмѣсто ихъ членами коммиссіи были академики Д. М. Перевощиковъ и А. А. Куникъ.

Въ разсмотрѣніи конкурсныхъ пьесъ, кромѣ поименованныхъ академиковъ, участіе принимали и построеніе рецензенты, изъ числа извѣстнѣйшихъ нашихъ критиковъ и литераторовъ, къ которымъ коммиссія, согласно съ Положеніемъ объ уваровскихъ наградахъ, обращалась съ просьбою о доставленіи ихъ отзывовъ о нѣкоторыхъ состязавшихся пьесахъ.

По полученіи этихъ отзывовъ, коммиссія, соображаясь съ ними, приступила къ окончательному сужденію о томъ, въ какой мѣрѣ каждая изъ пьесъ соответствуетъ условіямъ, которыя учредитель уваровскихъ наградъ имѣлъ въ виду при начертаніи правилъ о наградахъ за драматическія сочиненія. Хотя нѣкоторыя изъ пьесъ нынѣшняго конкурса несомнѣнно отличаются тѣми или другими высокими достоинствами, однако ни одна изъ нихъ, по мнѣнію большинства членовъ коммиссіи и по приговору постороннихъ рецензентовъ, не содержитъ въ себѣ той совокупности необходимыхъ качествъ, которая давала бы право на полученіе награды. Вслѣдствіе сего коммиссія большинствомъ голосовъ постановила, что *въ нынѣшнемъ году нѣтъ повода присудить кому-либо премію за драматическое произведеніе.*

По присужденіи уваровскихъ наградъ, коммиссія сочла своимъ долгомъ публично заявить свою искреннюю признательность гг. постороннимъ рецензентамъ, оказавшимъ Академіи свое содѣйствіе доставленіемъ отзывовъ о порученныхъ имъ разсмотрѣнію сочиненіяхъ, и двумъ изъ этихъ критиковъ, И. Е. Забѣлину и П. А. Лавровскому, присудила установленныя для сего золотыя уваровскія медали.